

## ОНТОЛОГИЯ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО И ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА ФИЛОСОФИИ

Д. Н. Обыденный

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 мая 2016 г.

**Аннотация:** в статье предпринята попытка эксплицировать проблему генезиса философии в экзистенциальном ключе, стараясь выявить при этом истоки онтологии иррационального в самом феномене философствования как личностного события, вскрыв имманентный ему внесубъектный исток. Основой аргументации исходного тезиса выступает обращение к внутрличностному измерению философствующего сознания, когда на примере концептуализации генезиса философского знания мы обнаруживаем, что по своей внутренней сути философствование есть особого рода экзистенциальная тенденция, которую человек обнаруживает в себе. Но сам в ее первичном истоке не создаёт, но лишь фиксирует и развивает на основе первичного экзистенциального переживания философского вопрошания.

**Ключевые слова:** философствование, фундаментальное переживание, внесубъектность философского «дара», иррациональное, эксплицитивная онтологическая модель.

**Abstract:** the article attempts to explicitate the problem of the Genesis of philosophy in the existential key, trying to identify the origins of this ontology an irrational in the phenomenon of philosophizing as a personal event, an unsubjective source. The basis of the original argument of the thesis is the appeal to the intrapersonal dimension of philosophizing consciousness, when for example, the conceptualization of the Genesis of philosophical knowledge, we find that in its inner essence philosophizing is a special kind of existential tendency, which the person finds himself in. On itself in the primary source does not create, but only captures and develops based on the primary existential experience of philosophy questioning.

**Key words:** knowledge, fundamental experience, unsubjected philosophical "gift", irrational, explicativa ontological model.

Генезис философии есть явление как внешнее, так и внутреннее, в первую очередь отнюдь не историческое, как это традиционно любят представлять, в особенности в контексте историко-философского дискурса, как имевшее место когда-то и где-то, но представляет собою феномен в первую очередь экзистенциальный, возникающий всякий раз в пространстве личного философского акта мыслящего, философствующего субъекта, собранного воедино в конкретике его историко-культурной, социальной, личностно-экзистенциальной и прочих составляющих. Безусловно, существуют и альтернативные точки зрения на генезис философствования, выводящие его исток из особенностей той или иной культуры, сложившихся исторических обстоятельств и контекстов, ограничивая

указанную выше позицию исключительно прерогативой экзистенциальной философской традиции, либо «философией жизни» с ее фундаментальным пафосом первичности непосредственно переживаемого интроспективно потока индивидуального существования. В то же время философия, понятая в своём генезисе внешним образом, теряет определённую, присущую ей изначально актуальность жизненного поиска, личной задачи, ставшей доминантой индивидуального существования. Кризис философствования, падение престижа философских дисциплин, увядание философии как академической институциональной структуры, вынужденной ради продолжения своего наличия идти на междисциплинарные уступки и связи – всё это, как видится, есть глубиннейшее следствие того, что философствование как таковое разрывает с собственным экзистенциальным истоком, игнорирует и забывает его. Не способствуют преодолению указанной кризисной ситуации в философии и тенденции, полностью выводящие философствование за пределы академической традиции, усматривая именно в академизме закостенелость, неподвижность и увядание философской традиции. Наличие академической среды, имеется в виду сообщество, искренне преданное изначально целям философии, экзистенциально и жизненно им принадлежащее как в нормативном, так и социальном аспектах, – наиважнейшая предпосылка существования подлинного философского знания и традиции.

Многие мыслители, подчас совершенно различных стилей и направлений, порою даже совершенно противоположных и пребывающих в состоянии онтологической и методологической позиции взаимной критики, вплоть до крайнего антагонизма и взаимного отрицания, возводили исток философствования к некому первичному переживанию, чувству, настроению (возьмем здесь данные термины в качестве достаточно близких в своей семантике синонимов). Одним из характерных примеров, имеющих огромное эвристическое значение в понимании упомянутой выше ситуации, является заочная полемика между Р. Карнапом и М. Хайдеггером, зафиксированная в достаточно известной и популярной работе первого. Пытаясь с философско-методологических позиций постпозитивизма теоретически в корне разрушить метафизическую традицию как таковую, Р. Карнап, тем не менее, в итоге своей работы создаёт собственную метафизическую композицию, вскрывающую его точку зрения на природу, исток и сущность философии, понятой в качестве метафизики. Подобная позиция более широко и концептуально также зафиксирована в программном произведении позитивизма как такового, в широко известном «Манифесте» [1]. И в «Преодолении метафизик логическим анализом языка», и в «Манифесте» изложена мысль, согласно которой метафизика есть выражение некоторого «чувства жизни», которое, по словам Р. Карнапа «...выражается в большинстве случаев бессознательно, во всём, что человек делает и говорит; оно фиксируется в чертах его лица, может быть, также в его походке» [2]. Позиция неопозитивистов в отношении метафизического как такового вполне понятна из горизонта общей онтологии физикализма, которая лежит в основе их методологических воззрений. Но они упускают из виду следующие

немаловажные аспекты. Во-первых, если даже метафизика и есть выражение чувства жизни, то само существование философской традиции в её преемственности, общности проблем отчетливо свидетельствует о том, что есть некое фундаментальное всеобщее чувствование жизни, которое положено в основу философствования, т.е. есть некий общий предмет, о котором идёт речь, пусть и обнаруживаемый каждым интроспективно, но имеющий всеобщий характер. В противном случае философы мира, подобно строителям Вавилонской башни, не смогли бы объединиться в рамках соответствующего сообщества, а также полностью исчезла бы в дискретности разрозненных концепций сама традиция философствования как некая общая тенденция постижения бытия. Во-вторых, когда представители неопозитивизма говорят о том, что философия плодит псевдосуждения, бессмысленные высказывания, то это действительно имеет некую долю объективности, если под единственной реальностью понимать либо непосредственно воспринимаемый материальный мир (увиденный и объективированный сквозь призму естественнонаучной и пронатуралистической парадигмы), либо всеобщие теоретические конструкты математики, в то же время происходит серьёзнейшее игнорирование неких предельных структур «мыслепереживания» реальности, создающее архитеконику философского дискурса, находящего предел выражения в метафизических онтологиях. Более того, любая онтология метафизична, поскольку мета-физично само слово в его изначальном генезисе сознанием (как внутренне слово, «пра-слово»).

Но важным здесь является следующее: несмотря на резкий антагонизм, представители как неопозитивизма, так и экзистенциализма и философии жизни в качестве изначального, сущностного источника философствования признают некоторое «чувство», «переживание», рассматривая мысль как нечто производное, а потому и вторичное, вспомогательное. Фактически человек есть не только существо разумное, политическое, социальное, любящее, трудящееся, но и прежде всего – метафизическое, обладающее фундаментальными метафизическими переживаниями, качественно, структурно и иерархически возвышающимися над той сферой эмоционального, психического, изучение которой служит задачей психологии и психиатрии. Крупные философские фигуры, творчество которых обозначает и фиксирует базовые вехи философии как исторически, так и концептуально, недвусмысленно указывали на специфические переживания, образующие фундамент философствования: удивление как причина генезиса философии у Платона и Аристотеля; сомнение у Р. Декарта; загадочная и необъясненная им самим, постоянная потребность и необходимость разума выходить за свои переделы у И. Канта (по сути это есть сильнейший экзистенциальный аффект, выталкивающий мышление за сферу возможного опыта); страдание У. Шопенгауэра; переживание абсурда у А. Камю; ужас и любовь как базовые силы, открывающие сущее в целом у М. Хайдеггера и т.д.

Наваждение, параноидальная навязчивость определенных, фундаментальных в своей природе переживаний конституирует основы философского обращения к миру как внешнему, так и внутреннему, где правит

интроспекция и рефлексия. С психологической точки зрения, философствование вполне возможно рассматривать как определённый тип аффектирования человеческого сознания, аффектирования, свершающегося синхронно на психическом и интеллектуальном уровне. Более того, в отличие от обычных аффектов, философствование есть аффект вполне устойчивый и постоянно самовоспроизводящийся. Сущностная природа всякого аффекта заключается в его внешнем по отношению к человеку происхождении. Но если для обычных аффектов возможно указать конкретную взятую причину, то для философского аффекта изыскать такую однозначно не представляется возможным. Подобную аналогию по логике рассуждения возможно провести между тематизацией представителями экзистенциализма (в особенности С. Кьеркегором и М. Хайдеггером) понятий (фиксирующих переживание) «страх» и «ужас». Страх имеет вполне определённую причину, для ужаса же, наоборот, установить точную причину достаточно трудно, если рассматривать в ней конкретно взятую вещь, событие и т.д. В данном случае экзистенциализм существенно сужает многообразие аффектов, порождающих философствование как некую необходимость существования, вызванную чем-то внешним по отношению к нашему Я, до феномена «ужаса», хотя, как мы указали выше, этих аффектов может быть множество, и все они приводят к философствованию как формулировке некоторого вопроса «вообще» в последней инстанции. Что же тогда аффицирует человека, приводя его к философии, если нет некоторой определенной внешней причины? Мир вообще, сущее в целом, существование как таковое? Установить точный источник подобного рода аффицирования не представляется, строго говоря, возможным. Да, несомненно, история философии даёт на данный вопрос множество ответов, но они различны в своей сущности, что не позволяет избрать какую-либо точку зрения в качестве единственной альтернативы. Более того, указанное аффицирование в его истоке возможно рассматривать не только как продуцирующее философствование, но и несущее в себе определенную структуру того, что классики герменевтической традиции называли «предпониманием», а О. Шпенглер – первичным переживанием, конституирующим дальнейшие смыслы культуры.

Рассмотрение философствования как наваждения, как особой формы вдохновения, что этимологически возводит нас к аллегории библейской креации человека, когда Бог вдыхает в материю дух, сообщает нам о внесубъектном, внеположенном по отношению к нашему эго истоку философствования. Примером тому может служить масса автобиографических и биографических фактов, когда мыслители вполне определённо осознавали свой дар (дарение, подарок) философствования в качестве определенного вида внешнего воздействия. «Хайдеггер, вспоминает Георг Пихт, был полон “сознания”, что он “как бы разбит” непосильной для него ношей мышления. Иногда он чувствовал: “то, о чём ему приходится думать”, представляет “угрозу” для него самого». Другой свидетель, Ганс А. Фишер-Барниколь, который познакомился с Хайдеггером уже после войны, пишет: «Мне казалось, что мышление овладевало этим пожилым человеком подобно тому, как это происходит с медиумами. Оно словно вещало че-

рез него» [3, с. 420]. Сын философа Герман Хайдеггер подтвердил это впечатление. Отец, рассказывал он, иногда говорил ему: «Во мне думается. Я не могу этому противостоять». Да простит нас читатель за столь объёмное цитирование, но данный фрагмент о творческом аспекте жизни М. Хайдеггера как нельзя лучше иллюстрирует внеположенность истока философствования самому мыслящему человеку. Данный пример вскрывает общую специфику философствования как некоей силы, овладевающей человеком помимо его воли и сознания. В контексте психоаналитического дискурса, в особенности в трудах К. Г. Юнга как мыслителя, наиболее близкого по своему характеру и тенденции творчества к метафизическому, философско-генерализирующему дискурсу, данное внешнее вторжение нуминозного будет тематизировано в терминологии бессознательного, иррационального по своей природе и истокам. Иррациональное в данном смысле рассматривается как недоступное человеческому пониманию, как навязчиво проникающий в наше сознание, в его глубины и структуру поток тенденций, которые можно интерпретировать как мысли, чувства, переживания, экзистенциальные состояния и настроения, вызывающие в человеке обреченность на метафизическое вопрошание, становящееся его постоянным и неотступным спутником. В своём диалоге «Менон», в произведении предельно скромного объёма по сравнению с другими его трудами, Платон поднимает важнейшую тему, проливающую свет на исток философствования. Издревле добродетель считалась величайшим праксисом философии, а ее снискание, стяжание – основной целью философствования как такового. В указанном диалоге Платон фактически приводит читателя к уразумению того, что добродетель невозможно снискать по своей собственной воле, т.е. для человека, пусть даже и стремящегося к ней, а следовательно, упражняющегося в философии ради данной цели, всё равно невозможно ее достичь и постичь, так как она есть дар богов, знак божественного избрания, дара, и только тот способен постичь ее, кому данный дар уже вручен по избирательной и неведомой в её мотивах воле божества [4, с. 420]. Таким образом, уже Платон вполне однозначно свидетельствует о том, что дар философствования имеет в своём истоке внечеловеческую природу, т.е. представляет собою не выбор человека, но выбор божества в отношении человека, а человек, в свою очередь, лишь получает и претерпевает в своем существовании этот дар.

Исходя из вышесказанного, становится возможным заключить, что философствование в своем истоке в качестве внесубъектного феномена, феномена нуминозного несет в себе иррациональное начало, вторгаясь в существование человека. И здесь мы подходим к исходному, вынесенному в заглавие тезису о связи онтологии иррационального и генезисе философствования. Один из главных тезисов философии иррационализма можно сформулировать в качестве утверждения о том, что существование человека подвержено действию неких внешних сил (начиная от обычных биологических инстинктов и заканчивая сложным воздействием психических и духовных тенденций внешнего происхождения). Человек с этой точки зрения претерпевает и являет собою воплощение этих сил.

В данном пункте философия иррационализма вплотную пересекается с экзистенциальной традицией философствования. Экзистенциальная категория заброшенности, брошенности человеческого бытия, без его воли свершившаяся врученность на произвол самому себе в мире, который оно не выбирало и даже не выбирало сам выбор выбирать, как некогда близко подходит к основной идее иррационализма о том, что направляет жизнь человека в большинстве случаев не разум (его собственный либо абсолютный), но некая спонтанность мирового существования, в основе своей трансцендентная в аспекте понимания и прогнозирования, в том числе прогнозирования как уверенности в неизменности собственных мыслей, мотивов, тенденций поведения и т.д. В общеонтологическом виде иррационалистическое воззрение на мир заключается во внесении в архитектуру сущего фундаментальной нелинейности становления, автономности этапов любого развития друг от друга: чем сложнее уровень существования сущего, тем менее здесь проявляется законосообразность, устойчивость тенденций. Именно подобное, философствуя, мы обнаруживаем в собственном сознании: во-первых, сталкиваясь с необходимостью философствования как нашей личной обречённостью внешним источником, назовём это так; во-вторых, интроспективно наблюдая изменчивость мыслей и переживаний, составляющих сам процесс философствования и того внутреннего опыта, который составляет первичный материал философствования. Определённым образом фиксируя концептуально указанные феномены и процессы в качестве онтологической модели, мы приходим к онтологии иррационального, которая есть не что иное, как экспликативная модель внутреннего переживания философского акта в его имманентной первозаданности.

### Литература

1. Карнап Р. Научное миропонимание / Р. Карнап, Г. Ган, О. Нейрат // Логос. – 2005. – № 2. – С. 33.
2. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка / Р. Карнап. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000161>
3. Сафрански Р. Хайдеггер : германский мастер и его время / Р. Сафрански. – М. : Молодая гвардия, 2005. – С. 420.
4. Платон. Менон / Платон // Платон. Соч. : в 4 т. – Т. 1. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – С. 420.

*Воронежский государственный университет*

*Объдённый Д. Н., кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания*

*E-mail: philosclub@yandex.ru*

*Тел.: 8-920-445-87-77*

*Voronezh State University*

*Obydenny D. N., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Ontology and Theory of Knowledge Department*

*E-mail: philosclub@yandex.ru*

*Tel.: 8-920-445-87-77*